

ВИЛЬДТ Беатрикс
дипломированный психолог, педагог (Дортмунд, Германия)
beatrix.wildt@uni-oldenburg.de

ВИЛЬДТ Йоханнес
доктор наук, профессор технического университета Дортмунда (Дортмунд, Германия)
johannes.wildt@tu-dortmund.de

ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ОБМЕНА ДАРАМИ ДЛЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ

Аннотация: в статье рассматриваются различные аспекты теории обмена дарами в контексте неолиберальных тенденций и требований экономизации всех социальных сфер, включая сферу образования и педагогической подготовки. На основе анализа ведущих работ по теории обмена дарами (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Ж. Деррида, А. Кайе и др.) авторы высказывают свои соображения по поводу обмена дарами как модели межличностных отношений, продуктивных для решения многих проблем, в том числе образовательных. В рамках статьи проанализированы функции дарения в современном обществе, обозначены области, условия, специфика даров и обмена дарами в различных социальных и институциональных системах, рассмотрено социально-педагогическое назначение курса «Обучение социальному служению», получающего международное распространение. Статья носит социально-педагогический характер, теоретические положения, выдвинутые авторами, могут быть использованы для развития теории педагогического взаимодействия и новых направлений образовательного менеджмента.

Ключевые слова: неолиберализм, экономизация, дар, обмен дарами, ответный дар, образование, школа, высшая школа.

**Wildt B
Wildt J.,**

THE MEANING OF THE GIFT EXCHANGE CONCEPT FOR THE SYSTEM OF EDUCATION

Abstract: the various aspects of the gift exchange theory in the context of neoliberal trends and demands for economization of all social spheres, including the spheres of education and professional teacher's training are considered in the article. On the basis of the analysis of the leading works on the gift exchange theory (P. Bourdieu, A. Giddens, J. Derrida, A. Kaye, and others) the authors made their point on the exchange gift theory as a model of inter-personal relations being productive for solving many problems including educational ones. Within the frames of the article the functions of giving gifts in a modern society are analyzed, and the fields, conditions, and gift exchange in various social and institutional systems are specified, the social-pedagogical purpose of the *Service Learning* curriculum that has got international recognition. The article is of social-pedagogical character; the theoretical thesis put forward by the authors may be used for the development of the theory of pedagogical interaction and new trends of educational management.

Key words: neo-liberalism, economization, gift exchange, reciprocal gift giving, education, school, higher educational institution.

1. Неолиберализм и экономизация общества как вызов для образования и воспитания. Неолиберальное мышление приобрело мировое распро-

странение; однако неолиберализм как идеология и программа имеет разные грани. Основываясь на ситуации в Германии, можно констатировать, что неолиберальное мышление способствует экономизации (коммерциализации) всех социальных сфер. Это вызывает возражения и будет обсуждаться критически.

1.1. Идеология неолиберального мышления и варианты действий. Обобщая суть неолиберальной доктрины, можно сказать, что глобально ориентированная экономическая деятельность в виде централизованной политической поддержки транснациональных учреждений должна, в частности, смягчать повторяющиеся кризисы (чтобы спасти компании и банки и в результате «экстернализировать стоимость»). Хрупкие национальные и международные альянсы должны в этом контексте все более стабилизироваться. В неолиберальном понимании глобальные экономические интересы до сих пор успешно воплощаются такими учреждениями, как Европейская система центральных банков (ЕСЦБ), ассоциация, возникшая после подписания Маастрихтского договора 1999 г. В целом влияние неолиберального мышления и действий будет активно распространяться политическими мозговыми центрами, СМИ, а также *группами влияния*, национальными и действующими на международном уровне. В данном случае государственная поддержка этих интересов является необходимой; парламентские влияния, напротив, часто кажутся деструктивными, если не могут мобилизовать национальное (и транснациональное) большинство в поддержку неолиберальных целей. Приверженцы неолиберализма сегодня склонны скорее допустить демократические достижения в политике и обществе; экономические представления могут идеологически дополнить авторитарные политические и социальные идеи. И если суммировать центральные аспекты идеологии неолиберализма, обнаружится его во многом миссионерский характер.

Государство (здесь подразумеваются все государства) должно уважать и обеспечивать экономическую свободу личности и как можно меньше «вмешиваться» в экономику. Благополучие всех, как и установление справедливости в данном случае, не является целью, но, как говорится на жаргоне казино: «Победитель получает все!» (*The winner takes it all!*). Это касается всех сфер и уровней социальной активности и приносит с точки зрения неолиберализма наибольшую общественную выгоду, поскольку любая прибыль может оказаться эффективной для дальнейшего роста. Действия лиц, организаций и учреждений рождаются из определенных неоспоримых экономических условий и через это становятся легитимными. В этих целерациональных рамках действий различные акторы должны разрабатывать и использовать соответствующие концепции управления во всех областях политической, экономической и институциональной деятельности. При этом повышаются возможности самоконтроля и самоуправления отдельных лиц в смысле государственного мышления [10].

1.2. Неолиберальные стратегии в высшей школе и других сферах образования и воспитания. В отношении университетов, школ и других учебных заведений это означает, что внедрение и развитие инноваций с позиций неолиберального менеджмента все меньше основывается на традиционных бюрократических стратегиях управления. Оно строится на сочетании *внешнего управления* (через линии управления персоналом на разных уровнях), *внутреннего ру-*

ководства (имеется в виду не внутренний контроль со стороны соответствующих инстанций, но самодеятельность и самоконтроль отдельных членов организации) и *участия различных заинтересованных сторон* (в лице представителей власти, специалистов и менеджеров образовательных процессов). Консалтинг (отдельных лиц, групп и команд управления) используется в качестве инструмента поддержки и контроля персонала и организационных изменений на различных институциональных и организационных уровнях. Внутреннее руководство в этом случае означает способность людей проявлять себя, в том числе в условиях конкуренции [10]. Это значит, что они могут не только оптимально адаптироваться к институциональным и организационным требованиям, но, изучая границы свободы действий, получать простор для принятия собственных решений и возможностей развития [35].

Под неолиберальным углом зрения разнообразие талантов, культурного опыта, знаний и подходов к проблеме рассматривается как важный организационный ресурс (человеческий капитал) при конкуренции с другими организациями. Спор по поводу признания меньшинств под лозунгом «разнообразие» часто выигрывает именно неолиберальный подход с его требованием лучшего применения разнообразия для творческого развития и решения проблем. Творчество предназначено не только для непрерывного изменения старого, но в большей степени чтобы содействовать развитию новой науки и промышленности, идущим на смену старым. Способы проявления социально значимой творческой позиции наглядно представлены А. Реквицем (A. Reckwitz) [31]. В качестве идеальной фигуры творческой личности (инженера, ученого, компьютерщика, художника или градостроителя / архитектора) все чаще выступает предприниматель, в облике которого предприимчивость высоко ценится как достоинство (способность или компетентность). Отдельные лица и организации хотят накапливать эти ресурсы (вариативность и творчество) и с выгодой использовать. Школы и профессиональные учебные заведения способствуют созданию и продвижению этих умений.

1.3. Кризисные проявления неолиберализма. Производство для потребления (лучше сказать, потребительства) и сбыта определяет лицо неолиберальной экономики. Те, кто пытается в очерченной ситуации в значительной степени адаптировать условия обучения и работы, во многих случаях получают опыт изматывающей конкурентной борьбы [13]. Усталость и депрессия становятся массовыми явлениями, превышающими границы индивидуальных возможностей и, как следствие, ведут к истощению личностных ресурсов. Противоречия, дилеммы и парадоксы, с которыми отдельное лицо как субъект повседневной профессиональной деятельности имеет дело, он может регулировать лишь частично.

Победа неолиберальных идей и концепций, как уже упоминалось, поддерживается на национальном и международном уровнях сильными группами давления в бизнесе, политике и науке. Тем не менее многочисленные экономические и политические кризисы на микро- и макроуровне, а также неразрешенные в национальном и международном контексте противоречия вызывают интенсивные политические и научные споры. Несмотря на то что с неолиберальной

точки зрения государство должно осуществлять как можно меньше контроля, очевидно, что существует необходимость регулировать глубокие экономические кризисы на уровне государственного и правительственного вмешательства (как это показал на примере финансового сектора Х. Минский [26]). Критический анализ неолиберальных концепций неограниченного расширения рыночных интересов, подчинения государства диктату экономической деятельности, а также представления интересов государства и общества в рамках мнимых экономических ограничений дан в работах О. Гидденса, П. Бурдьё, У. Бека [3; 7; 15].

На политической арене возникает и развивается много новых и необычных альянсов и встречных национальных и националистических течений. Г. Шуи (Herbert Karl Schui) и С. Бланкенбург (Stephanie Blankenburg) приводят примеры успеха правых популистских движений и крайне правых партий, которые претендуют на то, чтобы защитить национальные интересы отдельных капиталистических фракций в международном контексте и низвести группы населения, стоящие за ними, до области страхов и экзистенциальных забот [32]. Популистам, по-видимому, удастся перенаправить их гнев по отношению к правящим элитам на национальные меньшинства или на мигрантов, которые якобы усиливают конкурентное давление на рынке труда и присутствие которых (проживание), а также получение надлежащего образования должно быть в большей мере предотвращено государством. По-видимому, неолиберальная идеология (не только в Германии и Европе) не может предложить никакого реального противодействия националистическим событиям. Несмотря на некоторые центральные противоречия (особенно в связи с разными интересами глобализации), неолиберальные пути экономизации всегда более или менее откровенно подразумевают «врагов», с которыми нужно бороться или вытеснять всеми средствами.

1.4. Факторы, влияющие на вклад в проблему школы и педагогического образования. Это заведомо упрощенное представление очень сложных отношений, которые в данном случае не будут обсуждаться. Далее вкратце будут показаны неолиберальные требования, реальные экономические и национальные стратегии, а также транснациональные политические действия с их желательными и нежелательными (побочными) эффектами в плане образования и подготовки учителей.

Концепцию неолиберализма критически обсуждают также с точки зрения национальных (региональных) условий средней и высшей школы, включая подготовку учителей. Равно как и международных объединений, соглашений и обменов в области образования и науки. Сюда относятся исследования Организации экономического сотрудничества и развития в области школ и образования (ОЭСР); развитие университетов и системы подготовки учителей в контексте Болонского процесса (с вопросами совершенствования учебных программ, их аккредитации, а также вытекающими отсюда возможностями взаимного признания дипломов; разработка концепций непрерывного обучения и вопросы научных, экономических и культурных обменов).

Другой возможной сферой является решение практических вопросов в контексте мультикультурализма, неоднородности и разнообразия. Концепции, которые вначале обсуждались в различных дискурсивных полях, под давлением

новаторства неолиберальных разработок слились воедино и прошли переоценку. В условиях глобализации важную роль играют вопросы рационального использования ресурсов; изучение пространства свободы действий с точки зрения общих интересов и соглашений по социальным вопросам будущего; проекты научно-экономического сотрудничества в целях социальной справедливости и мира, процветания и благополучия в самом широком смысле, включая экологические и экономические вопросы общего блага.

В рамках данной статьи нас волнуют, в первую очередь, универсальные практики межличностного взаимодействия, которые не вписываются в чисто экономические соображения и обменные отношения и иллюстрируют в то же время уязвимость неолиберального мышления. Поэтому мы опираемся на **научные теории, концепции и практики обмена дарами**, которые могут быть выявлены в различных сферах общественной жизни. В этом мы исходим из теоретических соображений и практических примеров, связанных с нашим собственным опытом в отношении университетов, школ и педагогического образования, в рамках которого теория обмена дарами может быть переосмыслена и интерпретирована. Практика обмена дарами идет рука об руку с человеческой способностью и возможностью взаимного социального признания, солидарности, альтруизма и щедрости, сочувствия и сострадания, заботы и благодарности. Эти навыки и модели поведения, которые часто трудно найти в очерченных выше формах неолиберальной экономической и политической деятельности, тем не менее необходимы для развития позитивных перспектив будущего и расцениваются как необходимая часть профессиональной деятельности в образовании и для образования, которая должна использоваться и поощряться.

2. Концепция и теоретические рассуждения по поводу обмена дарами.

2.1. Аспекты понятий «давать» и «брать» в межличностных отношениях. Важность понятия «(от)давать» в качестве базового действия отражается практически во всех областях жизни и межличностных отношений человека. Пример тому – использование в немецком языке таких глагольных словосочетаний, как: *давать жизнь, дать поесть, попить, давать пристанище, давать имя, давать обещание, давать свободу* и др. В соединении с приставками, а также в сочетании с возвратной частицей «-ся» значение данного понятия существенно расширяется: (пере)дать ответственность *передавать* письмо, *поддаваться* требованию и др. «Давать» нечто требует от противоположной стороны некоего ответа, принятия, обратной реакции. При этом сами по себе значимы способы передачи, принятия и ответа. Эти акты вписаны в определенные личностные, социальные, культурные, экономические и политические контексты, которые определяют, кто, что, когда и как дает, берет, принимает или же отвергает, отказывается брать.

«Давать» является одной из самых сильных общественных функций и включает в себя сложные взаимодействия. Уже в теории социализации Г. Зиммеля основные социальные функции и процессы «давания» / дарения показаны изнутри и вне отношений обмена, исследованы связанные с ними индивидуальные и коллективные интересы и зависимости [33]. П. Блау (P. M. Blue), используя подход Зиммеля, рассмотрел микро- и макроаспекты обмена и со-

трудничества, в частности, в рамках понятия взаимодействия, высказав соображения по поводу вознаграждения [6]. Социологические теории взаимности, связанные с теоретическими рассуждениями об обмене, принадлежат разным авторам, основаны и дифференцированы на общей практике социальных и общественных обменов. Далее мы рассмотрим некоторые из этих вариантов (пункт 3) и выявим их связь со сферой образования и профессиональной подготовки (пункт 4).

2.2. Разные стороны дара и обмена дарами. Однако что отличает отношения дарения, обмена дарами (от просто отношений «давать – брать» – прим. переводчика), какие для этого нужны условия, цели, ожидания и возможности? Согласно утверждению А. Кайе (1994), одного из самых значимых современных теоретиков в этой области, обмен дарами прочно закреплен в различных слоях общества и практикуется повседневно. Кайе различает отношения внутри первичной и вторичной социальной общности (не следует путать с первичной и вторичной социализацией); к первичной общности относятся семья, дружеские и добрососедские отношения; вторичные социальные общности представлены государственными и другими общественными учреждениями. Но сначала нужно определить, что есть дар.

Суммируя различные профессионально-дисциплинарные суждения, отметим, что дар бывает материальным или духовным: вещью, продуктом производства, действием, жестом или выражением, метафорой и/или символом, связанным с определенными мыслями, чувствами, идеями, мотивами и действиями. Теория обмена дарами имеет дело с различными аспектами дарения и получения даров. Обмен дарами, обсуждается также в сравнении с учетом обмена товарами или товарно-денежных отношений, с отсылкой к противоречиям между свободой и отчуждением, субъектом и объектом, идентичностью и самоопределением путем обязательств и (само)контроля, силы и господства, взаимности и признания. Обмен дарами, помимо положительных возможностей, содержит также моменты непонимания, отрицания, защиты, отказа, конкуренции, разрушения отчуждения, смятения и иллюзий [1; 2; 10; 18].

Возможности для самоопределения участников обмена дарами совершенно разные, и имеющийся запас свободы действий тех, кто к нему причастен, часто бывает трудно реализовать в переплетении социальных, экономических, политических и правовых отношений. В сложных условиях столкновения различных интересов, действий и конфликтных ситуаций действия (бездействие) отдельных субъектов (индивидов и групп) по отношению друг к другу трудно рассчитать. Тем самым возможности сокращения рисков и неопределенности действий часто ограничены. Тем не менее обмен дарами включает в себя, на наш взгляд, много положительных моментов, которые можно обнаружить и использовать. Там присутствуют не только экономические, политические, социальные и культурные контексты, но и психологические аспекты познания, эмоций, чувств и мотивов, которые содержат положительный или отрицательный смысл, оказывают или могут оказать влияние на практические действия при обмене дарами.

2.3. Дарение и принятие дара как «третьей фигуры». Важность предоставления дара, его принятия и ответного дара с точки зрения отношений обме-

на дарами, в первую очередь, требует понимания того, что может быть даром и какое значение он может играть в рамках обменных взаимоотношений. Учитывая философские теории обмена дарами и родственную с ними теорию М. Хенаффа [17], можно утверждать, что дарение касается отношений между тем, кто дарит, и тем, кто принимает дар. Здесь оказываются не лишенными смысла аспекты объективации человеческой способности к дарению (самоотдачи в дар) в контексте художественного творчества [20], а также образовательной деятельности. Таким образом, речь идет не только о конкретных условиях дарения и получения дара, а также о способах и формах объективации в дар, которые, в свою очередь, встроены в широкий круг общественных отношений обмена. Они образуют различные «триады», которые складываются в ходе обмена дарами или обмена отношениями в первичной социальной общности (семье, дружеском или соседском кругу) и в контексте вторичной (профессиональных, политических, общественных или социальных учреждений, таких как школы, правовые, медицинские, научные учреждения). Только с учетом различных триад появляется обмен дарами в его всеобъемлющем значении, а также в сочетании с элементами товарного обмена.

2.4. Дар и обмен дарами в различных социальных сферах. Факт связи отношений товарообмена и обмена дарами привел П. Бурдьё к тому, чтобы определить обмен дарами как символический акт [7]. Является ли это полным разрушением условий товарно-денежного обмена и связанных с ними экономических и прикладных аспектов или всегда следует учитывать невозможность дара без наличия воли *других* (см. Ж. Деррида [112]), в чем сомневались такие теоретики обмена дарами, как М. Хенафф и А. Кайе. Не следует сбрасывать со счетов тот факт, что экономическое и политическое господство власти влияет на условия дарообмена (см пункт 4). Тем не менее важно продолжать разрабатывать различные формы связи и влияния, а также исследовать позитивные пути обмена дарами. Ниже мы хотим показать, какие варианты могут быть использованы в различных сферах общественной жизни и сфере образования.

Следует отметить, что характер обмена дарами определяется обеими сторонами. Именно они решают, каким должен быть «дар» и «ответный дар», как и когда они передаются. Дело в том, что между даром и ответным даром должно пройти время. Как показано в мифах и сказках разных культур, каждый получивший дар и нарушивший правила ответного дара, выдвинув какие-то свои требования, часто строго наказывается. Это отличает обмен дарами от обмена товарами и от покупок, где условия оговариваются сторонами и должны быть изложены в совместном договоре. Это относится к количеству и качеству товаров, ожидаемым процедурам обмена, временным рамкам и месту обмена, цене, подлежащей уплате (в денежном выражении). Договор определен правовыми рамками, это означает, что в случае его несоблюдения взаимно признаются правовые санкции. Стороны являются свободными в товарно-денежном обмене, поскольку заключают договор добровольно, в то же время определяя, что является обязательным (связывающим). С другой стороны, в контексте обмена дарами свобода его участников ограничивается некоторыми конвенциями и социальными ожиданиями, правилами и стандартами. Если они не соблюдаются, дар

не признается или отвергается, или остается без ответа. Это чревато последствиями для (дальнейшего) развития отношений в смысле построения взаимного доверия.

В целом к обмену дарами применяются правила обмена товарами и нормативные ожидания, несоблюдение которых ведет к негативным последствиям. При их оценке центральную роль играют как явные намерения, возможности, способности заинтересованных сторон, так и ссылки на стандарты, нормы, законы с третьей стороны (наблюдатели, судьи, арбитры, представители общины или учреждения). От того, насколько суждение будет точным, зависит, будет ли обмен совершен на основе взаимности, зависимости или независимости. Будет ли он осознаваться как дружественный или враждебный. Если стороны понимают дар лишь частично или постепенно, как в обмене между поколениями, во внимание принимаются особые условия, качество, масштаб собственных действий и действий других людей.

2.5. Важность сопереживания, сострадания, взаимности и признания в социальных отношениях. В контексте обмена дарами сопереживание, в частности способность увидеть ситуацию глазами другого или представить в воображении позицию другого, играет не последнюю роль. Способность к эмпатии, однако, не означает жалости к другому. Это означает самому (вместе с другими) увидеть себя «в зеркале» или с точки зрения других и понять увиденное, координируя различные точки зрения. Это основано не только на когнитивных способностях к различению сходства и несходства между собой и другими, но и на физических ощущениях и чувствах, которые взаимно обуславливают подобное понимание. Способность к эмпатии как пониманию чувств другого не следует путать с тем, что называется состраданием или жалостью к страданиям или несчастьем других людей (или животных). О вопросе сострадания в исторической перспективе см. работу М. Харбсмайера и С. Мескеля (M. Harbsmeier, S. Möckel) [16]. Об эмпатическом сострадательно альтруистическом действии – У. Ромбах и П. Сейлера (Rombach, U. P. Seiler) [30]. То, как эти аспекты представлены в обмене дарами и как важны сопереживание и сострадание в дарообменных отношениях для развития взаимного социального признания, показано у Ф. Брайтхаупта (F. Breithaupt) [9].

Обмен дарами не определяется сам по себе только «благородными побуждениями» или позитивными взглядами, идеями и чувствами. Здесь могут присутствовать и негативное отношение и мотивы, мысли и эмоции. Дарение может высвободить агрессивные и деструктивные импульсы и действия, а также вызвать негативную обратную реакцию. И наоборот, даже деструктивные тенденции могут быть приостановлены и постепенно переведены в позитивные [21; 22; 29]. Дарение, принятие даров и ответные дары, происходящие в пределах данных (или развивающихся) социальных, культурных, правовых, политических и экономических отношений, могут быть весьма ограниченными и искаженными в плане субъективности и идентичности. Это касается не только людей, которые не хотят или не могут понять условия и возможности обмена дарами в силу того, что их умственный потенциал или интеллектуальное развитие не позволяют этого сделать. Но и тех, кто не имеет возможности развивать

свои способности, у кого нет информации, необходимой для принятия рационального решения. А также тех, кто пребывает в заблуждении или обманывается относительно подлинных условий обмена и своей роли в нем. Признание неолиберальной идеологией эффективными лишь намеренно утилитарных действий полностью снижает позитивный потенциал обмена дарами.

2.6. Дарение, принятие дара и ответный дар как тест на человечность.

С точки зрения отношений обмена дарами, на наш взгляд, ясно, чтобы взаимный обмен удался, его участники должны иметь желание и готовность к позитивному восприятию и общественному признанию других как равных в смысле достоинства и основных прав. Дар в его функции третьего компонента в обоюдных отношениях играет центральную роль для дальнейшего развития действий. Важны также и другие триады, которые возникают и развивают действие, открывая дальнейшие перспективы обмена дарами. Фигуры третьих лиц (наблюдателей, судей, друзей, общественности) и специфические конфигурации третьего (нормы и ценности, правила и права, язык и т. д.) используются для оценки и поддержки не только с точки зрения выявления рисков, но скорее в смысле *испытания на человечность*.

Проверку на человечность содержит сам акт дарения, который совершается сугубо индивидуально и должен быть соответственно принят. При этом не могут быть сняты асимметричность дарителей, тех, кто принимает дар и дарит в ответ, а также риск неудачи дарения. Поскольку возможны отторжение, пренебрежение и непонимание, те, кто дарит (как и предлагающие ответный дар), особым образом уязвимы. Необходимое здесь поведение подпитывается альтруистической готовностью отдавать и ответственностью за свое и общее, в смысле добра и справедливости, которая не является ни предписанной, ни насильственной и не может быть достигнута путем убеждения (манипулирования).

Обмен дарами может быть понят как аналог и соответствующее выражение человечности. Это проявляется не только в даре, но в форме жертвенности, принятия и ответного дара. Действие всегда рассматривается как выражение и часть индивидуальных и коллективных желаний, надежд, потребностей и интересов, которые часто определяются в сложных социальных и общественных ситуациях фундаментальными противоречиями, социальными и политическими конфликтами. Причем даже индивидуальные действия часто противоречат друг другу и двойственны. Различные субъекты, участвуя в дарении в качестве членов и представителей отдельных групп, коллективов, сообществ, общества, обязательно представляют свои специфические интересы. С другой стороны, речь идет об универсальных требованиях и действующих нормах, в интересах которых они должны опираться на свои собственные навыки и способности для изучения возможности изменения и не должны быть удержаны существующей двойственностью, противоречиями и риском отказа. Если тест на человечность пройден взаимно, дальнейшее сотрудничество во имя основных общих интересов представляется возможным.

3. Примеры даров, дарения, приема и ответного дара в социальном обмене. Далее на примере различных сфер общественной деятельности будут представлены лишь некоторые аспекты дарения, получения даров и обмена да-

рами. В завершение будут обсуждены некоторые основные стороны школьного обучения и педагогического образования.

3.1. Дарение, дар и обмен дарами в повседневной жизни. В повседневной жизни «давать и принимать» в смысле обмена дарами – это акты, значительные во многих отношениях. На различных праздниках во время дружеских визитов, в детских садах, школах, на вечеринках у соседей вручение подарков само собой разумеющийся вопрос. Оно считается признаком высокой оценки другого, доказательством дружбы и признания со стороны сообщества и предполагает ответный дар. Существующие соглашения играют при этом важную роль, определяя, что, когда, как и кому дарить. Материальная и нематериальная взаимопомощь в рамках родственных, дружеских, соседских связей (как первичной социальной общности) также является формой обмена дарами. Речь идет о более или менее значительных финансовых, материальных и временных ресурсах. Без этого взаимного вклада (ожидаемого, хотя и добровольного) дружба, семейная поддержка и партнерские отношения были бы невысказанными. Многие люди не смогли бы без субсидий и трансфертов, особенно в период кризиса, прокормиться и поддерживать свой уровень жизни. Без хорошей взаимной поддержки ближнего окружения социальная интеграция и экономическое выживание ряда лиц и социальных групп обречены на неудачу.

В смысле более широкого распространения дарения на альтруистической основе (см пункт 2.3) благотворительные дары «нуждающимся» (за пределами ближнего социального круга) часто ожидаются и принимаются отдельными лицами (опосредованно учреждениями и организациями). Это не только пожертвования всех видов, но и деньги, что часто связано с высоким уровнем личной и гражданской активности на основе собственных (профессиональных) способностей и благосостояния. Вовлеченность миллионов граждан в общественные объединения (клубы, культурные учреждения, профсоюзы, церкви, политические партии, пожарные дружины, благотворительные организации, группы самопомощи и т. д.) вполне можно расценивать как разновидность дарения и обмена дарами, без которых вряд ли возможна социальная интеграция. Социальное и общественное признание дарителя здесь часто носит символический характер, его нельзя потребовать, и оно не каждому дается. Индивид действует сам по себе и добровольно (без видимых дополнительных мотивов).

3.2. Давать, принимать и отвечать во (взаимо)действии, порождающем обмен дарами. При взаимодействии поколений обмен между приобретателем и дарителем в различных отношениях является асимметричным, тем не менее это отношение возобновляющегося во времени обмена дарами: дарения и ответного дара. Речь идет не только о физической и материальной помощи, но и других формах материальной и нематериальной передачи даров, в первую очередь, от родителей к детям. Формы принятия дара с позитивной ответной реакцией со стороны детей: благополучное, радостное, любопытное принятие, согласие или обоснованный отказ, благодарность, нежность и любовь, послушание, мотивированное обучение и соответствующие результаты обучения и т. д. – весьма желательны, но не всегда могут быть обеспечены.

Родители передают не только позитивные знания и опыт, модели взаимодействия, нормы, ценности и установки, но и отрицательные эмоции, неправильное восприятие, предрассудки, травмы, проблематичные решения конфликтов и т. д. Многие из этого дети перенимают (иногда помимо желания взрослых), что порой вносит разлад в отношения. Тем не менее в межпоколенном обмене присутствует определенное ожидание взаимности, т. е. речь идет о том, чего ожидают дети от своих родителей и родители от детей, на что они надеются, что могут требовать, а чего нет. Так, любовь детей не является «вознаграждением» за родительскую заботу. Она остается «даром», который может быть принят (отклонен). В связи с этим и любовь к детям – «дар», условия которого не могут быть точно определены. Различные аспекты внутрисемейных обязательств и изменений в отношениях поколений с социологических позиций рассмотрены Б. Хольштайн (B. Hollstein) [20].

3.3. Филантропия и благотворительность. В контексте семейной и повседневной жизни важную роль играют альтруистические и филантропические аспекты дарения. С социологической точки зрения филантропия изучена и представлена Ф. Адлоффом и С. Зигмундом (F. Adloff, St. Sigmund) как «экономический дар» [2]. В дальнейшем мы хотим представить некоторые аспекты филантропии в современном обществе, прибегая к работам двух этих авторов. Первостепенное значение имеет «дар от незнакомца»¹, что характерно для филантропической деятельности.

В Германии с давних пор насчитывается свыше 12 000 организаций с юридической и неюридической ответственностью: фондов, корпораций, компаний, ассоциаций и частных лиц. Гражданская активность, которая часто основывается на благотворительности, например финансовых пожертвованиях, в количественном выражении чрезвычайно высока и продолжает расти, особенно сильна вовлеченность пожилых людей старше 50 лет. Работа на добровольных началах часто сопряжена с личными интересами и склонностями, а также соединением альтруистических мотивов с рациональными и корыстными (например, возможность сэкономить на налогах, использование которых не может непосредственно контролироваться). Даже моральные, религиозные и проектноориентированные мотивации играют здесь существенную роль. Вопросы общественного блага часто, но не всегда находятся в центре этого дарения.

На фоне неолиберальных разработок нам представляется важным различать справедливость и благотворительность (*justice and charity*). Благотворительность выступает в качестве позитивного обязательства, не основанного на некоей обязанности в плане установления справедливости. В рамках представлений о хорошей и успешной жизни в общем смысле (не только с точки зрения «баланса справедливости» для физических лиц) необходимо применение других правовых стратегий. Современная благотворительность следует как принципам анонимности (например, в смысле христианских идеалов), так и публичной демонстрации щедрости, часто служащей повышению собственного статуса в

¹ В оригинальном тексте использовано словосочетание «Gabe unter Fremden». В русском понимании речь идет о неизвестных дарителях.

рамках «приличного общества». Другими словами, тот, кто хочет выглядеть богатым и успешным, жертвует публично.

Пожертвования, безусловно, имеют отношение к мотивации, к ответной реакции общества, к тому, что вы получите от него взамен, возможно, в плане восстановления справедливости по отношению к неблагополучным лицам (группам населения) или благодарности (со стороны определенных лиц, представляющих эти группы). Пожертвование не является односторонним актом передачи имущества или средств, оно инициирует и упрочивает конкретную цель дарения, связывая ее с признательностью за материальную и нематериальную поддержку и часто с возможностью социальной и культурной интеграции. Это может происходить путем преобразования правовой формы пожертвования (в случае автономного юридического лица), радиус действия которого расширяется, т. е. передаваемые средства могут выполнять задачи, превышающие рамки первоначальных взносов учредителя.

Как показывает практика, сбор средств (как профессиональное «выискивание» пожертвований) и деятельность благотворительных фондов не идентичны, но имеют институционализированные методы, в совокупности оказывающие довольно большое влияние [2]. Сбор, поиск и привлечение финансовых средств, а также щедрых пожертвований (для нуждающихся или на определенные культурные проекты и социальные цели) имеют древние традиции. В Европе сбор пожертвований, их передача и распределение были во многом связаны с религиозными идеями и намерениями. Сегодня только в Германии существуют тысячи некоммерческих организаций и учреждений с различными формами профессионального фандрайзинга. Без этого не только материальные, но и нематериальные выгоды не могут быть сохранены, а решение ряда социальных проблем и задач не сдвинется с мертвой точки.

Сбор средств и благотворительность тесно связаны с понятиями гражданского общества и гражданской активности. Готовность к дарению свойственна не только очень богатым людям, но социально распространена гораздо шире. Тем не менее возраст и уровень образования тех, кто отдает (имея возможный излишек дохода), играет не последнюю роль. Центральной идеей сбора средств часто становится облегчение страданий (как в случае чрезвычайных ситуаций). В качестве «вознаграждения» (взамен) предлагается обнародование имен жертвователей, что не всегда для них желательно. Для изучения и использования мотивации дарения в сфере фандрайзинга часто применяются маркетинговые инструменты. Со стороны благотворителей их действия определяют сострадание и солидарность.

3.4. Взаимность и принципы обмена подарками в сфере трудовых отношений. Можно согласиться с тем, что обмен дарами в договорных трудовых отношениях и экономическая конкуренция не идут рука об руку, однако есть теории и подходы, успешно пытающиеся выявить принципы и элементы дарообмена в трудовых отношениях. Особое внимание уделяется, с одной стороны, сотрудничеству между работниками, и узам их лояльности к компании – с другой. В обоих случаях речь идет о более широком спектре услуг, нежели включает в себя контракт. То есть договор остается «неполным» в том, что касается

вознаграждения за услуги и поэтому «открыт» для реализации принципа обмена дарами. В социальном плане это предусматривает большой вклад самих сотрудников в работу и социальную организацию. Со стороны руководства речь идет не только о тарифах для столовых, здоровом питании, детских комнатах, зонах отдыха и укрепления здоровья, но также о различных формах взаимного признания услуг и индивидуального и коллективного взаиморасчета на уровне взаимного уважения и социальных льгот. Например, дальнейшего рассмотрения вопроса о продвижении (или понижении) по службе и последующем вознаграждении.

Всегда есть некоторая асимметрия между дающим и получающим, не отменяющая влияния и распределения сил с помощью организованных и коллективных действий (коллективных договоров, участия работников и др.). Хотя элементы некой внеэкономической отдачи здесь обнаруживаются, но в контексте неолиберальной идеологии они лишь привносят дополнительное рассогласование. В качестве примера – вокруг перспективных отраслей в IT-секторе разворачивается соперничество за лучшие умы, руководство компании инициирует привилегии с точки зрения условий труда, премий и т. д., чтобы обеспечить лояльность сотрудников и упрочить свои конкурентные преимущества.

В сфере услуг (в отличие от производственного сектора) устанавливаются определенные отношения почетной субординации (в интересах общества и государства) и сопутствующая им готовность «отдавать». Это относится к идее доверительных обязанностей, лояльности и морального долга. В любом случае речь идет о вопросах признания работы, отражающемся не только в заработной плате, но в символических жестах и социальных стратегиях одобрения. Если результаты труда слишком расходятся с размером вознаграждения и заработной платы, социальное признание и престиж уже не могут быть сбалансированы.

Поощрять достижения материально и нематериально необходимо для предотвращения демотивации и «услуг на грани или ниже требований». Если одобрение привязано только к производительности и успеху, социальное неравенство в организации и учреждении будут усиливаться, что может негативно сказаться. То есть даже в сфере труда применяются правила обмена дарами, которые должны соблюдаться и правильно использоваться.

4. Обмен дарами как акт социальной значимости и важности для школьного обучения и подготовки учителей. На протяжении последних десятилетий школа, обучение и подготовка учителей (в Германии) претерпели огромные изменения, которые в рамках этой статьи не могут быть прослежены. Споры по поводу форм и последствий коммерциализации всех социальных слоев и ее продвижения за счет неолиберального экономического, социального и политического понимания показали, что даже школы и педагогическое образование оказались охваченными соответствующими процессами. На различных примерах можно показать, что практика обмена дарами может позитивно использоваться преподавателями в школах и университетах как возможность для развития процессов обучения и преподавания. Например, в плане содействия росту разнообразия школьных и академических стратегий обучения (см. примеры для условий колледжа и педагогического университета [35]). Подобный

стремительный сдвиг от преподавания к учению *shift from teaching to learning* распространился и связан со множеством возможностей для совместной работы учащихся и преподавателей на основе проектов, проблемно-ориентированного обучения, рефлексии и исследований в ходе преподавания и обучения, а также соответствующих форм экспертизы в области высшего образования и подготовки учителей [28; 38; 41; 42; 44].

4.1. Соотнесение *Service Learning* (обучения общественному служению)¹ как обучения в режиме обмена дарами с другими учебно-методическими концепциями. На примере курса, получившего название «Общественное служение», как одной из очень успешных концепций обучения в школах и университетах в контексте практических исследований (стажировки, проекты) можно показать, что, несмотря на (или вследствие) развитие неолиберального движения, учение и преподавание идут рука об руку с гражданской активностью (смотри пункт 3). Концепция служения обществу, позволяющая учиться в условиях демократии через социальные обязательства, реализуется в настоящее время во многих школах и университетах при поддержке ассоциаций учащихся. Это происходит в русле совмещения работы и учебы в профессионально-технических областях или будущей профессиональной области. При этом осуществляется связь школьного образования и различных практик обмена дарами в ближнем окружении (семья, круг друзей, соседи), а также других форм проявления гражданской и общественной активности. Виды деятельности, позволяющие подкреплять обучение практически и профессионально, а также требования гражданского общества, касающиеся гражданской активности и независимости, могут принести пользу всем сторонам, участвующим в обмене дарами. В районе школы и университета часто выбираются формы практической работы, связанной с проектированием, с профессиональным и междисциплинарным учебно-обучающим подходом. Важно, чтобы школьники и студенты были должным образом подготовлены к такому роду активности, а их вовлеченность в нее была связана с образовательными, профессиональными намерениями, а также преподавательскими замыслами и соответствующим институциональным контролем. Чтобы достичь этого, школы, университеты, муниципальные и другие учреждения и общественные инициативы должны действовать совместно. Когда учащиеся получают опыт совместной работы на благо общества в сотрудничестве с преподавателями, они не только становятся лицами, которым сделано добро, они сами делают добро, становясь при этом способными действовать эффективно. Кроме того, подобная практическая возможность для них весьма поучительна.

В отношении подготовки учителей и участия в педагогической практике концепция общественного служения не совсем новое понятие, но, вероятно, она

¹ Service Learning – дисциплина, в рамках которой ребята учатся служить обществу и применять свои знания на практике, работая в домах престарелых, домах инвалидов и других социальных организациях. Введение данного курса направлено на подготовку квалифицированных специалистов сферы бизнеса, глубоко осознающих свою гражданскую ответственность перед обществом. Основная цель концепции «service-learning» – обеспечить эффективное усвоение студентами академических программ при условии осуществления общественно полезной деятельности, связанной с изучаемыми дисциплинами.

способна расширить возможности практического сотрудничества. Так, будущие учителя имеют дело со школами, которые, в свою очередь, с участием школьников разрабатывают технически обоснованные проекты, которые могут быть поддержаны студентами. Для учителей, которым это интересно, теперь доступны разработки соответствующих практических проектов и различные методические рекомендации [34]. Эти инициативы поддерживаются в национальном масштабе организациями с профессиональным штатом сотрудников, которые финансируются за счет пожертвований, а также многочисленными добровольными помощниками их местных общин. В высшей школе концепции обеспечения различных типов обучения общественному служению разработаны в контексте практических и производственно-технических компонентов подготовки.

Это включает в себя, например, разработку, практическое тестирование и применение учебно-методических пособий по изучению языка или математики или предложения для районных школ (в области музыки, музыкального развития, театральной педагогики или изобразительного искусства). Работа с детьми и молодежью происходит зачастую не только при поддержке со стороны учителей, но с привлечением родителей и заинтересованных граждан, которые обеспечивают реализацию этих проектов, например, в школах, где нет для этого средств. Другие студенты в рамках профессионального учебного курса непосредственно участвуют в оборудовании и реконструкции зданий и окружающей среды, реализуя идеи укрепления здоровья школьников, ориентированные на разнообразные точки зрения. Гражданские инициативы, ассоциации, местные органы власти и фонды, усматривая в этом новое поле деятельности, поддерживают такие начинания.

В муниципалитетах важную роль играют финансовые соображения. На стороне студентов, школьников и других помощников экономические аспекты имеют решающее значение, поскольку запланированные проекты стоят денег и часто могут быть реализованы только за счет пожертвований. В целом, однако, речь идет о расширении не только своих собственных возможностей для обучения, но и об объединении с другими профессиональными перспективами и проблемами гражданского общества. Различные бифуркационные отношения обмена дарами здесь весьма плодотворны. В принципе чувствуется готовность фондов и доноров к финансированию таких проектов, а также оказанию финансовой и символической поддержки в решении различных задач в области образования и профессиональной подготовки.

Проекты, в которые были теоретически, концептуально и практически вовлечены авторы этой статьи, не соотносятся напрямую с курсом «обучение общественному служению», но аналогичные проблемы находят развитие в новых формах практического преподавания и обучения (например, см. об опыте пропаганды здорового образа жизни в работе Б. Вильдт) [39]. Ряд понятий дидактики высшей школы о кооперации, активизации, проектно-ориентированном и рефлексивном обучении и преподавании были разработаны, апробированы и исследованы применительно к различным предметам, курсам и практическим занятиям в различных типах школ, направлений образования и профессиональной подготовки [36]. Возможности рефлексии были осмыслены на основе исследова-

ний и практики преподавания и обучения не только в системе подготовки учителей, но опробованы в различных версиях на различных предметах [40; 43].

5. Заключение: обмен дарами и педагогические требования к его роли.

Развитие взаимоотношений в русле концепции обмена дарами нужно не только для того, чтобы уменьшить в обществе проявления чрезмерного эгоизма и безжалостности, дезинтеграции и социальной изоляции, нетерпимости и соперничества, но без обмена дарами образование, как нам кажется, обрекает себя на неудачу. Профессиональная педагогическая деятельность в особенности требует доверия, способности к эмпатии, рефлексивного отстранения и сострадания, отношений открытости и готовности поощрять и признавать. Такого отношения со стороны учителей разумно ожидать, но оно не может быть обеспечено путем прямого регулирования, внешнего контроля и санкций. Готовность к взаимному признанию других и соответствующие умения действовать в плане продуктивного и кооперативного обучения и учебных процессов нуждаются в совместной практике, способной это поддерживать. То есть учителя и ученики могут убедиться в силе обмена дарами только путем конкретных действий и приобретения соответствующего опыта. Они будут нуждаться в поддержке и солидарности; все имеющиеся возможности при этом могут быть выявлены и использованы. Это значит, что перед преподавателями как профессионалами (в школе, в вузе или системе повышения квалификации) стоит задача разъяснения экономически оправдываемой безответственности, пагубности тенденций социальной изоляции и нарушений прав человека; демонстрации принципов справедливости и взаимного признания; продуктивного синтеза элементарных привычек к эгоистичным и альтруистичным действиям, – чтобы тем самым помочь будущим поколениям.

Список литературы

1. Adloff F.; St. Mau (Hrsg.) Vom Geben und Nehmen. Zur Soziologie der Reziprozität. Frankfurt/M. & NY: Campus, 2005.
2. Adloff F. & Sigmund St. Die gift economy moderner Gesellschaften. Zur Soziologie der Philanthropie. In: Adloff, F. & Mau, St. (Hrsg.): Vom Geben und Nehmen. Zur Soziologie der Reziprozität. Frankfurt/M. & NY: Campus, 2005. P. 211–236.
3. Beck U. Macht und Gegenmacht im globalen Zeitalter. Neue weltpolitische Ökonomie. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2009.
4. Bedorf Th. Verkennende Anerkennung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2010.
5. Bedorf Th., Fischer J. und Lindemann, G. (Hrsg.) Theorien des Dritten. Innovationen in Soziologie und Sozialpsychologie. Paderborn: Fink, 2010.
6. Blau P. M. Sozialer Austausch // Adloff, F., Mau, St. (Hrsg.): Vom Geben und Nehmen. Zur Soziologie der Reziprozität. Frankfurt/M. & NY: Campus, 2005. P. 125–138.
7. Bourdieu P. Praktische Vernunft. Zur Theorie des Handelns. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1998. P. 163–182.
8. Ders. Die Ökonomie der symbolischen Güter // F. Adloff & St. Mau (Hrsg.) Ebd., 2005. P. 139–156.
9. Breithaupt F. Kulturen der Empathie. (3. Auflage) Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2012.
10. Bröckling U., Krasmann S. & Lemke Th. (Hrsg.) Gouvernementalität der Gegenwart. Studien zur Ökonomisierung des Sozialen. (6. Auflage) Frankfurt /M.: Suhrkamp, 2012.
11. Caille A. Anthropologie der Gabe. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2008.
12. Derrida J. Falschgeld. Zeit geben. München: Fink, 1993.

13. Ehrenberg A. Das erschöpfte Selbst. Depression und Gesellschaft in der Gegenwart. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2008.
14. Eßlinger E., Schlechtriemen T., Schweitzer D., Zons A. (Hrsg.) Die Figur des Dritten. Ein kulturwissenschaftliches Paradigma. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2010.
15. Giddens A. Die Konstitution der Gesellschaft. Frankfurt/M.: Campus, 1992.
16. Harbsmeier M. & Möckel S. (Hrsg.). Pathos, Affekt, Emotion. Transformationen der Antike. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2009.
17. Henaff M. Der Preis der Wahrheit. Gabe, Geld und Philosophie. Deutsche Übersetzung von E. Moldenhauer, Frankfurt/M.: Campus, 2009.
18. Ders. Die Gabe der Philosophen. Gegenseitigkeit neu denken. Deutsche Übersetzung von E. Moldenhauer. Bielefeld: transcript, 2014.
19. Hentschel I. et al (Hrsg.). Im Modus der Gabe. Theater, Kunst, Performance in der Gegenwart. Kerber Forum/Kunsthochschule Halle, 2012.
20. Hollstein B. Reziprozität in familialen Generationenbeziehungen // Adloff F.; St. Mau (Hrsg.): Vom Geben und Nehmen. Zur Soziologie der Reziprozität. Frankfurt/M. & NY: Campus, 2005. P. 187–210.
21. Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1992.
22. Honneth A. Organisierte Selbstverwirklichung. Paradoxien der Individualisierung // Ders. (Hrsg.): Befreiung aus der Mündigkeit. Paradoxien des gegenwärtigen Kapitalismus. Institut für Sozialforschung. Frankfurt /M.: Campus, 2002. P. 141–158.
23. Koschorke A. Institutionentheorie // Eßlinger E., Schlechtriemen T., Schweitzer D., Zons A. (Hrsg.): Die Figur des Dritten. Ein kulturwissenschaftliches Paradigma. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2010. P. 49–64.
24. Lenz K. Dritte in Zweierbeziehungen // Bedorf Th., Fischer J. und Lindemann G. (Hrsg.): Theorien des Dritten. Innovationen in Soziologie und Sozialpsychologie. Paderborn: Fink, 2010. P. 213–248.
25. Lindemann G. Statt der Dyade: die Ego-Alter-Tertius-Konstellation als konstitutive Bedingung von Sozialität. Bedorf Th., Fischer J. und Lindemann G. (Hrsg.): Theorien des Dritten. Innovationen in Soziologie und Sozialpsychologie. Paderborn: Fink, 2010. P. 161–180.
26. Minsky H. P. Financial Instability Revisited: The Economics of Disaster. Prepared for the Steering Committee for the Fundamental Reappraisal of the Discount Mechanism appointed by the Board of Governors of the Federal Reserve System. Washington, 1970.
27. Ders. The Financial Instability Hypothesis: Capitalist Process and the Behavior of the Economy // Kindleberger Ch. P. & Lafargue J.-P. (Ed.): Financial Crisis. Theory, History, and Policy. Cambridge/MA, 1982. P. 19–32.
28. Obolenski A., Meyer H. (Hrsg.) Forschendes Lernen. Theorie und Praxis einer professionellen LehrerInnenausbildung. Bad Heilbrunn (OBB.) Klinkhardt, 2003.
29. Plumpe W. Rationalität und Risiko: zum historischen Charakter der modernen Wirtschaft // Honneth A. (Hrsg.): Befreiung aus der Mündigkeit. Paradoxien des gegenwärtigen Kapitalismus. Institut für Sozialforschung. Frankfurt /M.: Campus, 2002. P. 13–34.
30. Rombach U. & P. Seiler. Eleos – misericordia – compassio. Transformationen des Mitleids in Text und Bild // M. Harbsmeier & Möckel St. (Hrsg.): Pathos, Affekt, Emotion. Transformationen der Antike. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2009. P. 250–276.
31. Reckwitz A. Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2013.
32. Shui H., Blankenburg S.: Neoliberalismus: Theorie, Gegner, Praxis. VSA, Hamburg, 2002.
33. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über Formen der Vergesellschaftung // Aufsätze und Abhandlungen 1901–1908, hrsg. von O. Rammstedt, erschienen 1992, Gesamtausgabe Band II. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1908.

34. Seifert A., Zentner S. & Nagy F. Praxisbuch Service Learning. Lernen durch Engagement an Schulen. Weinheim: Beltz, 2012.
35. Szczyrba B., Treeck v. T., Wildt B., Wildt J. Einleitung: Diskurse und Praxen der Beratung zur Entwicklung von Studium und Lehre an einer diversitätssensiblen Hochschule // Szczyrba B., Treeck v. T., Wildt B., Wildt J. (Hrsg.): Coaching (in) Diversity. Hintergründe, Ziele, Anlässe, Verfahren. Wiesbaden: Springer, 2016. P. 1–19.
36. Schneider R. & Wildt J. Das berufspraktische Halbjahr in dortmund: Forschendes Lernen in Praxisstudien einer professionellen Lehrerausbildung // Obolenski A. Meyer H. (Hrsg.): Forschendes Lernen. Theorie und Praxis einer professionellen LehrerInnenausbildung. Bad Heilbrunn(OBB.) Klinkhardt, 2003: P. 166–184.
37. Voswinkel St. Reziprozität und Anerkennung in Arbeitsbeziehungen // Adloff, F. & Mau, St. (Hrsg.): Vom Geben und Nehmen. Zur Soziologie der Reziprozität. Frankfurt/M. & NY: Campus, 2005. P. 237–256.
38. Welbers U. und Gaus O. (Hrsg.) «The Shift from Teaching to Learning». Konstruktionsbedingungen eines Ideals. Johannes Wildt zum 60igsten Geburtstag. Blickpunkt Hochschuldidaktik. Bielefeld: Wilhelm Bertelsmann, 2005.
39. Wildt B. (Hrsg.) Gesundheitsförderung in der Schule. Wiesbaden: Luchterhand (Beltz), 1997.
40. Wildt B. Theater als Methode einer geschichtlichen Erinnerungskultur – Erfahrungen aus Lehre und Weiterbildung. In: Senger U., Robel Y. & Logge Th. (Hrsg.): Projektlehre im Geschichtsstudium. Verortungen, Praxisberichte und Perspektiven. Bielefeld: W. Bertelsmann, 2015. P. 167–181.
41. Wildt J. Reflexives Lernen in der Lehrerbildung – ein Mehrebenenmodell in hochschuldidaktischer Perspektive // Obolenski, A. Meyer, H. (Hrsg.): Forschendes Lernen. Theorie und Praxis einer professionellen LehrerInnenausbildung. Bad Heilbrunn (OBB.) Klinkhardt, 2003. P. 71–84.
42. Wildt J. Entwicklung und Potentiale der Hochschuldidaktik // Erichsen H. U., Schäferbarthold D., Staschen H. & Zöllner E. J.(Hrsg.): Lebensraum Hochschule. Siegburg: Reckinger, 2013. P. 93–116.
43. Wildt J. Ein Blick zurück nach vorn: Forschendes Lernen in Praxisstudien als hochschuldidaktisches Leitkonzept // Senger U., Robel Y. & Logge Th. (Hrsg.): Projektlehre im Geschichtsstudium. Verortungen, Praxisberichte und Perspektiven. Bielefeld: W. Bertelsmann, 2015. P. 65–93.
44. Wildt J. & Wildt B. Lernprozessorientiertes Prüfen im Constructive Alignment: Ein Beitrag zur Förderung der Qualität der Hochschulbildung durch eine Weiterentwicklung des Prüfungssystems // Behrend B., Szczyrba B., Wildt J. (Hrsg.): Neues Handbuch Hochschullehre. (Griffmarke H 6.1). Berlin: Raabe, 2011.